

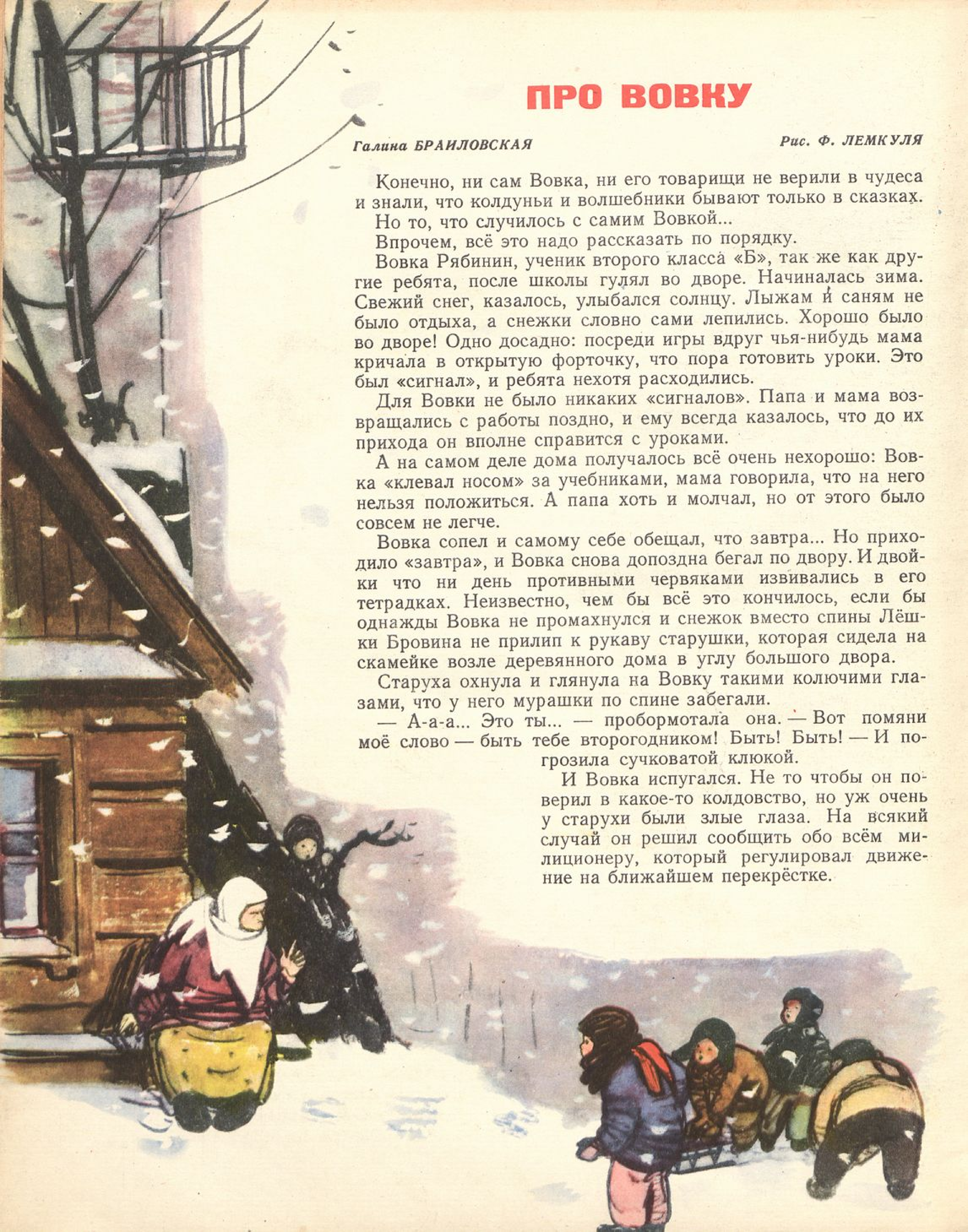
МУРЗИЛКА
№ 1
Журнал ЦК ВЛКСМ
для школьников
младших классов
Январь
1958

Рис. В. АНДРИЕВИЧА

Здесь под ёлкой в Новый год
Закружился хоровод
И весёлой вереницей
Разбежался по страницам.

ПРО ВОВКУ

Галина БРАИЛОВСКАЯ

Рис. Ф. ЛЕМКУЛЯ

Конечно, ни сам Вовка, ни его товарищи не верили в чудеса и знали, что колдуньи и волшебники бывают только в сказках.

Но то, что случилось с самим Вовкой...

Впрочем, всё это надо рассказать по порядку.

Вовка Рябинин, ученик второго класса «Б», так же как другие ребята, после школы гулял во дворе. Начиналась зима. Свежий снег, казалось, улыбался солнцу. Лыжам и саням не было отдыха, а снежки словно сами лепились. Хорошо было во дворе! Одно досадно: посреди игры вдруг чья-нибудь мама кричала в открытую форточку, что пора готовить уроки. Это был «сигнал», и ребята нехотя расходились.

Для Вовки не было никаких «сигналов». Папа и мама возвращались с работы поздно, и ему всегда казалось, что до их прихода он вполне справится с уроками.

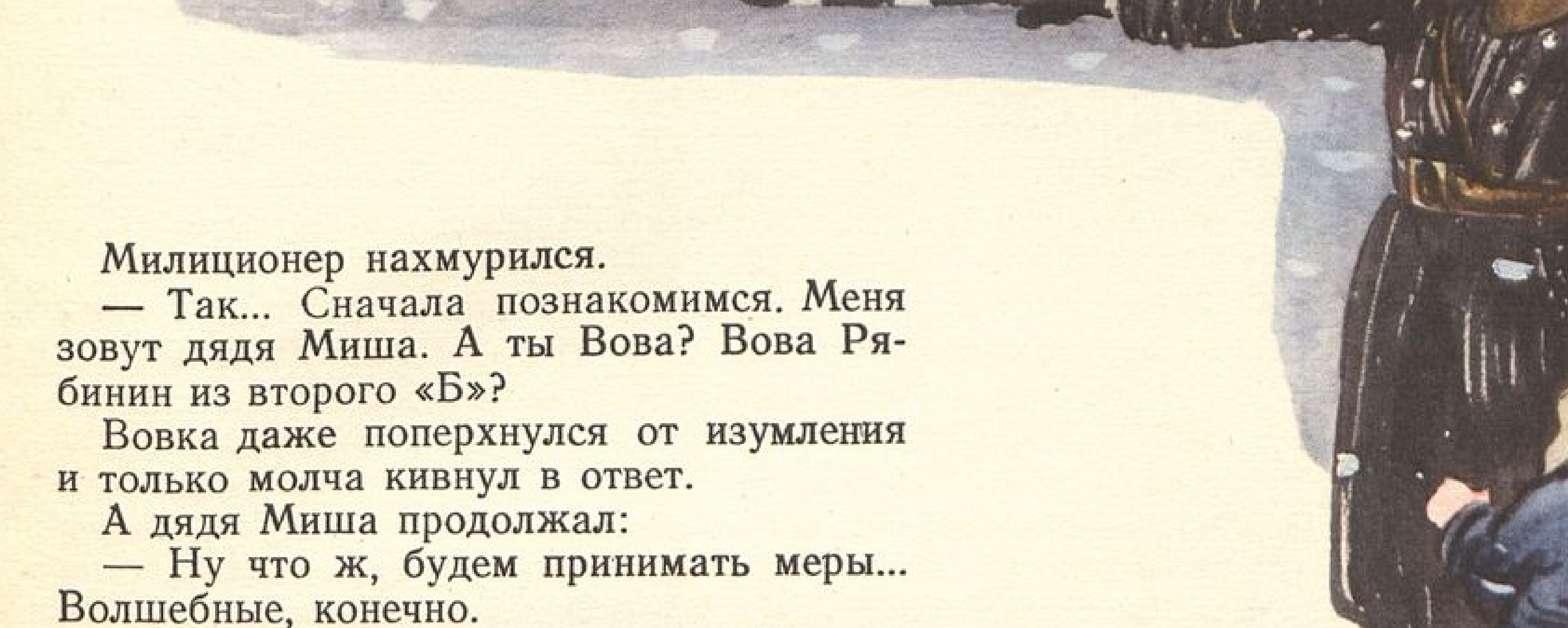
А на самом деле дома получалось всё очень нехорошо: Вовка «клевал носом» за учебниками, мама говорила, что на него нельзя положиться. А папа хоть и молчал, но от этого было совсем не легче.

Вовка сопел и самому себе обещал, что завтра... Но приходило «завтра», и Вовка снова допоздна бегал по двору. И двойки что ни день противными червяками извивались в его тетрадках. Неизвестно, чем бы всё это кончилось, если бы однажды Вовка не промахнулся и снежок вместо спины Лёшки Бровина не прилип к рукаву старушки, которая сидела на скамейке возле деревянного дома в углу большого двора.

Старуха охнула и глянула на Вовку такими колючими глазами, что у него мурашки по спине забегали.

— А-а-а... Это ты... — пробормотала она. — Вот помяни моё слово — быть тебе второгодником! Быть! Быть! — И погрозила сучковатой клюкой.

И Вовка испугался. Не то чтобы он поверил в какое-то колдовство, но уж очень у старухи были злые глаза. На всякий случай он решил сообщить обо всём милиционеру, который регулировал движение на ближайшем перекрёстке.

Милиционер нахмурился.

— Так... Сначала познакомимся. Меня зовут дядя Миша. А ты Вова? Вова Рябинин из второго «Б»?

Вовка даже поперхнулся от изумления и только молча кивнул в ответ.

А дядя Миша продолжал:

— Ну что ж, будем принимать меры... Волшебные, конечно.

— Волшебные?!. — так и охнул Вовка.

— Само собой. Чем же ещё действовать против колдуньи? Значит, так: волшебная палочка имеется. — Тут Вовка с сомнением покосился на чёрно-белую палочку, но дядя Миша подтвердил: — Вот именно — волшебная! И пока я с ней стою на посту, колдунья тебе ничего не может сделать, но когда я сменяюсь и ухожу... Дядя Миша взмахнул палочкой, как будто пропуская машины. — Понял?..

— Понял! — обрадовался Вовка. — Домой, значит!

— Точно. Но помни: никому ни слова. Остальное волшебство я беру на себя. Ну, беги...

Вовка сделал было шаг, но вернулся.

— А как же заклинание?

— Заклинание? А-а... Ну, конечно же! — И дядя Миша нагнулся к самому Вовкиному уху: — Будешь уходить домой, скажи: «По-ра не по-ра, ухо-жу со дво-ра!» Это — раз. Второе: каждый вечер повторяй перед сном таблицу умножения. А пройдёшь мимо старухиной скамьи, быстро скажи правило по грамматике, которое в этот день задавали. Это — три. Ну, теперь как будто всё?..

— Всё, кажется, — подтвердил Вовка и нерешительно спросил: — А сейчас?..

Дядя Миша торжественно поднял волшебную палочку.

Вот с этого самого дня и начали твориться с Вовкой Рябининым чудеса.

Как бы ни была интересна игра, Вовка вдруг заявлял: «По-ра не по-ра, ухо-жу со дво-ра», — и мчался домой.

Коза в санях катает волка.
От дружбы с волком мало толка,
Но в этом случае она
И безопасна и верна.

Вовка честно выполнял всё, что велел дядя Миша, и всё дожидался, когда же начнётся самое главное волшебство. Но ничего не начиналось. Только Анна Васильевна перестала к нему придираться и в его тетрадках исчезли двойки и даже тройки. И «колдунья» уже не так сердито смотрела на него. Наверно, дядя Миша действительно добрый волшебник. То есть не волшебник, конечно, но вот как-то умеет сделать, чтобы всё было хорошо.

А повсюду в городе уже готовились для ребят весёлые каникулы: на площадях устанавливались огромные ёлки, яркие афиши объявляли о школьных фильмах и спектаклях, радио сообщало о праздниках в парках и дворцах культуры, в витринах заманчиво пестро поблескивали ёлочные украшения. И хотя Вовка был уверен, что у него всё в порядке, но всё же побаивался, как бы напоследок «колдунья» вдруг не испортила чем-нибудь ему каникулы.

Но вот и конец четверти.

Маму с родительского собрания Вовка дожидался у школы и, как только она вышла, сразу заметил, что лицо у неё очень довольное. И как же хорошо было возвращаться домой за руку с весёлой мамой! В другой руке Вовка крепко держал табель, словно боялся, как бы четвёрки и пятёрки вдруг не выпали из него.

Под ногами похрустывал снег, усыпанный еловыми иголками, в морозном воздухе пахло смолистым лесом, в окнах мерцали разноцветные гирлянды. Праздник уже входил в город.

Хоть всю школу обойдёшь, обойдёшь,
обойдёшь,
А лентяев не найдёшь, не найдёшь, не
найдёшь! —

пропел вдруг кто-то позади басом, а писклявый голосок спросил:

— Папка, а ты был когда-нибудь сам лентяем?

И маму с Вовкой обогнали человек в милицейской шинели и девочка в серой козлиной шубке. «Да ведь это Светка Любимова из второго «А»!» — узнал Вовка и хотел окликнуть её, но в это время человек в милицейской форме обернулся к Вовке, хитро подмигнув ему.

Вовка стал протирать глаза, а когда открыл их, никого во дворе не было. Только на скамейке сидела «колдунья». Но разве бывают колдуньи с такими добрыми глазами? Просто маленькая старушка вышла на свежий воздух. Вовке очень захотелось сказать ей что-нибудь хорошее, но ничего не придумав, он взмахнул табелем, засмеялся и звонко крикнул:

— С Новым годом, бабушка!

Вот какая волшебная история произошла с Вовкой Рябининым из второго класса «Б».

А может быть, во всём этом не так уж и много волшебного?

Ребята! В этой повести всё правда!

Писатель Отар Иванович Чиджавадзе много лет провёл в Африке. Он сам видел, как тяжело живут там простые честные люди и какую героическую борьбу ведёт арабский народ за свою свободу и независимость.

Отар ЧИДЖАВАДЗЕ

Рис. А. КОКОРИНА

В тот день, когда громадная акула изменила весь ход его жизни, Али исполнилось тринадцать лет. Он грёб, упершись босыми ногами в дно маленькой, почерневшей от солнца и воды лодки.

«Сегодня будет очень жарко», — подумал Али и с любовью посмотрел на спящего в его ногах старшего брата.

Не переставая грести, Али то одной, то другой ногой отгонял от брата назойливых мух. Изредка, как бы невзначай, он проверял, правильно ли висит на поясе большой морской нож. Все мечты его исполнились: он настоящий искатель губок, с ножом для защиты от акул и осьминогов. Вот если бы его теперь увидели алжирские ребята!.. От зависти и уважения у них покраснели бы уши.

Залив, в котором Али и Хусейн обычно добывали губки, был уже виден. Там собралось много лодок.

Вчера Хусейн пришёл поздно. Али проснулся от голоса Хусейна и его товарищей, ругавших господина Ренара, скупщика губок, и подошёл к ним. Хусейн тотчас же замолчал: ни один араб никогда не посмеет ругаться в присутствии своего брата.

— Ты ещё не спишь, Али? — притянул его к себе Хусейн. — Посмотри, что я тебе принёс!

И он подал Али длинный морской нож в кожаных ножнах.

— Только с условием, что ты никогда не будешь заниматься ловлей этих проклятых губок.

— Почему, Хусейн? Ведь ты зарабатываешь больше других арабов.

— Да, но во много раз меньше, чем любой европеец.

Они сели на кучу высохших, крепких, как кирпич, губок.

— Ты же знаешь, никто из искателей губок не живёт больше двадцати семи — двадцати восьми лет!

— А это разве мало, Хусейн?

— Это, может быть, и не мало! Мне осталось ещё целых шесть или семь лет,— с горечью вздохнул Хусейн. — Вот заработаю деньги и брошу эту работу! — уже успокаивая себя, добавил он и улыбнулся.

Так проговорили они далеко за полночь, поэтому и опоздали сегодня.

И теперь в лодке, не желая будить заснувшего Хусейна, Али грёб один уже более двух часов, пока случайно не зацепил ногой брата и не разбудил его.

Хусейн взял у Али весло и начал грести с такой силой, что лодка сразу рванулась и ходко пошла вперёд.

На месте их вчерашней ловли уже были другие, им пришлось плыть дальше.

Хусейн, чего с ним никогда раньше не случалось, нервничал: он всё не находил удобного для ловли места.

Наконец, бросив привязанные к уключинам вёсла, начал готовиться. Проверил, хорошо ли вылезает из ножен нож, привязал к поясу мешок и заткнул шариками из воска уши. Потом сел, перекинув одну ногу за борт, и Али с трудом подал ему большой камень, перевязанный верёвкой. Прижав камень к животу, Хусейн несколько раз глубоко вздохнул, набирая полную грудь воздуха, потом скользнул в воду и скрылся, почти не поднимая брызг.

Верёвка погружалась всё медленнее и медленнее, пока не остановилась. Но вот два условных рывка! Али начал вытаскивать камень, казавшийся в воде совсем лёгким. Вскоре в нескольких метрах за кормой появилась голова Хусейна, и Али подплыл к нему.

Уцепившись руками за борт лодки, Хусейн отдыхал. Глаза у него были красные, воспалённые, а на лбу, словно синие змейки, вздулись вены.

Али посмотрел на мешок — он был пуст.

Наступил полдень. Хусейн всё нырял и нырял, а маленькая кучка губок на дне лодки не увеличивалась.

Наконец, усталый, он влез в лодку.

— Поедим, а потом пойдём вон туда. —

Хусейн показал в сторону далеко уходящей в море косы.

Али достал из-под сиденья ячменные лепёшки, маслины и тыквенный кувшин с водой.

...Глубина защищённого косой залива не превышала двенадцати метров. Дно было песчаным, поэтому там не было осьминогов.

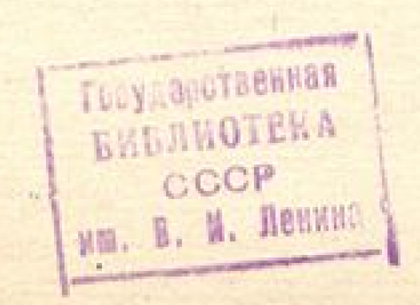
А в том месте, куда братья направили свою лодку, было намного глубже. В каменистых расщелинах прибрежной косы водились осьминоги. А иногда заплывали и акулы. Но зато тут таились никем не тронутые заросли губок.

— Вот здесь, — остановил лодку Хусейн и, достав из-под сиденья мешочек, вынул из него расщеплённую с одной стороны палочку. Потом зажал палочкой нос, заложил в уши воск и, прижав к животу камень, нырнул.

Али подавал верёвку и высчитывал по ней глубину, на которой находился брат: двенадцать, тринадцать метров... восемнадцать, девятнадцать... Верёвка медленно, но всё ещё опускалась в воду. Потом, как всегда, два условных рывка, и Али начал вытягивать камень.

Когда Али подогнал лодку к вынырнувшему довольно далеко Хусейну, ему показалось, что Хусейн сразу состарился, — настолько у него был измученный вид.

Но зато какой улов! Мешок был полон прекрасными губками.

Передохнув, Хусейн снова нырнул.

Солнце уже клонилось к западу, когда он с трудом взобрался в лодку и растянулся в ней, тяжело дыша. Из ушей и носа у него текла кровь.

Прошло много времени, пока Хусейн отдышался и сел.

Али взялся за вёсла.

— Нет, подожди, — не поднимая головы, глухо произнёс Хусейн.

— Довольно, Хусейн, довольно! — со слезами в голосе просил Али.

Хусейн поднял на него покрасневшие глаза, и Али понял, что спорить с ним нельзя.

...Когда, по расчётам Али, камень достиг дна и остановился, а сигнала не последовало, мальчик начал волноваться. Внезапно метрах в тридцати от него вынырнул Хусейн и торопливыми широкими саженками направился к лодке.

Али заметил в правой руке Хусейна нож. Али изо всех сил начал грести навстречу брату. Хусейн уже не плыл, а, стоя в воде, чего-то ждал. И вдруг почти у самой поверхности воды промелькнула тёмная спина акулы. Потом акула перевернулась на спину, собираясь схватить Хусейна...

Но Хусейн не был лёгкой добычей. Возвышаясь над водой по самые плечи и зорко наблюдая за хищницей, он в самый последний момент ловко увернулся. Акула прошла мимо.

Али был почти рядом с Хусейном, который, повернувшись к лодке спиной, наблюдал, куда скрылась акула, когда внезапно она показалась с противоположной стороны. Заходя в затылок Хусейну, акула уже переворачивалась на спину. Али закричал, предупреждая брата об опасности. Но Хусейн ничего не слышал. Акула была уже у самой лодки.

С ножом в вытянутой руке Али бросился в воду. И вот в тот момент, когда он почувствовал, что его нож вошёл в белое акулье брюхо, Али заметил, как её огромная пасть прошла мимо брата.

Вынырнув, он увидел вдали кучу брызг: это билась издыхающая акула.

«Хусейн спасён! — подумал Али. — Но почему тогда его голова так беспомощно качается на волнах возле лодки?..»

Али подплыл к брату.

Хусейн был без памяти, но всё ещё держался на воде.

Схватив брата за волосы, Али подтащил его к лодке. Левое плечо, рука и грудь Хусейна были разорваны почти до костей. Это акула задела его своей шершавой, как напильник, кожей. Али с трудом втащил брата в лодку и уложил на губки.

Надо было поскорее доставить его на берег. И Али грёб, напрягаясь изо всех сил. А до берега было больше двух часов хода!

Хусейн приоткрыл глаза.

— Болит? — спросил Али, не переставая грести, и слёзы, перемешанные с потом, закапали ему на колени.

— Али, подожди. Я хочу тебе сказать, а то не успею, — застонал Хусейн. — Ты заменишь меня, как я заменил отца. А мать... мать!.. Ты ей не говори!.. Скажешь, что я нанялся матросом... и не скоро вернусь. Ренар мне ещё должен за старое... Воды!.. Воды!..

Али поднёс к его губам тыквенный кувшин, но Хусейн не мог пить.

— Фатима, Брагим... совсем маленькие... мать больна... ты должен, ты...

И, глубоко вздохнув, Хусейн умолк.

«Неужели Хусейн тоже оставит нас, как отец, которого в прошлом году раздавило в Алжирском порту сорвавшееся с крана бревно? Нет, этого не может быть!»

— Хусейн! — позвал Али. — Хусейн!..

Ответа не последовало.

Али бросился к нему: Хусейн был мёртв.

Поздно ночью лодка с мёртвым Хусейном подошла к берегу.

Наутро рыбаки нашли спящего на песке Али, а в лодке лежащего на губках мёртвого Хусейна и совсем недалеко от них выброшенную прибоем на берег громадную акулу с распоротым брюхом.

Хусейна похоронили в тот же день. Весть о том, что Али убил акулу, разошлась по соседним деревням, но он не обратил на это никакого внимания.

Надо было продать губки Ренару, получить с него старый долг и поехать домой, в Алжир.

В воскресенье в посёлок приехал Ренар. Увидев Али, он подошёл к нему.

— Слышал, ты не боишься акул! — И, вытирая розовый со складками затылок, добавил: — Жаль Хусейна, он хорошо работал!

— Хусейн сказал, что вы должны за последний месяц, — робко заметил Али.

— Я? — удивился Ренар и достал записную книжку. — Наоборот!.. Это он должен. Посмотри, вот его рукой поставленный крестик.

— Вы дали Хусейну только половину и заставили поставить этот крестик, — сказал Али. — Я же тогда был там.

— Ну, об этом после, — сказал Ренар. — Сколько ты хочешь за эти губки?

Али назвал цифру, и, к его удивлению, вместо того чтобы торговаться, Ренар приказал шофёру подъехать и грузить. Когда всё было погружено, Ренар направился к кабине.

— Деньги! — преградил ему путь Али.

— Какие деньги? Вот читай! — ткнул ему в лицо книжкой Ренар. — Сколько мне ещё Хусейн должен!

— Я не умею читать, — ответил Али.

— То-то!.. — огрызнулся Ренар и, схватив Али за шею, отбросил в сторону.

— Неправда, неправда!.. Это вы должны! — уцепился за ногу Ренара Али.

На крик начал собираться народ.

— Разойдись!.. — Два жандарма, которые появлялись каждый раз во время купли и продажи, разгоняли народ.

— Он врёт!.. Он должен за старое и ещё новое берёт даром! — торопясь, начал объяснять жандармам Али.

Ренар сел в машину, и она тронулась.

Али рванулся следом. Цепкая рука схватила мальчика за горло и удержала на месте. Он хотел укусить эту усыпанную рыжими волосами руку, но сильная пощёчина сбила его с ног.

Когда жандармы удалились под крики и улюлюканье толпы, Али сел и заплакал.

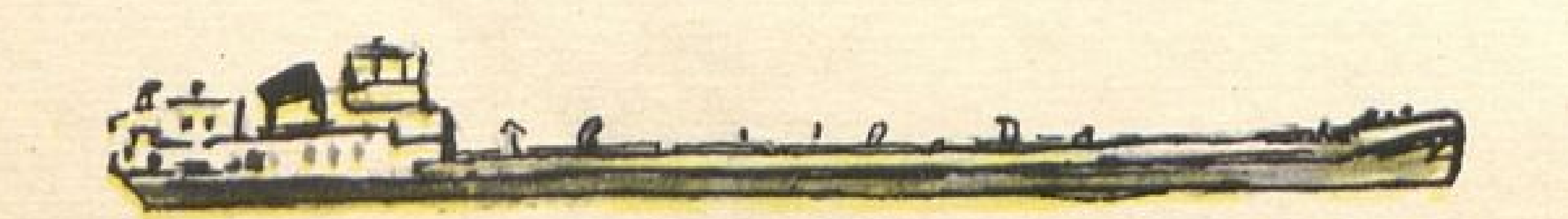
Мужчины, успокаивая, хлопали его по плечу. Женщины гладили по голове, а дети, обступив, положили на него грязные худые руки и держали их так в знак молчаливой солидарности.

(Продолжение следует.)

Литературная обработка для журнала М. КОРШУНОВА

Волга!.. Широки её просторы. Красивы её берега, то крутые, поросшие густыми лесами, то отлогие, с зелёными лугами, пашнями, с песчаными отмелями. Беспрерывно днём и ночью, вверх и вниз идут по Волге суда, малые и большие. Огромные самоходные баржи-танкеры с нефтью, гигантские плоты, мощные буксиры, тянущие зараз по пять-шесть гружёных барж. Белоснежные красавцы — пассажирские пароходы, теплоходы. Никому здесь не тесно. Ведь с одного берега еле виден другой, а местами и вовсе берегов не видать. Это раскинулись новые моря — Рыбинское, Горьковское, Куйбышевское. В непогоду, в штормы волна здесь доходит до трёх метров. Трудно тогда приходится небольшому судёнышку.

Смотрите, вот отчалил от пристани и пошёл полным ходом современный волжский лайнер.

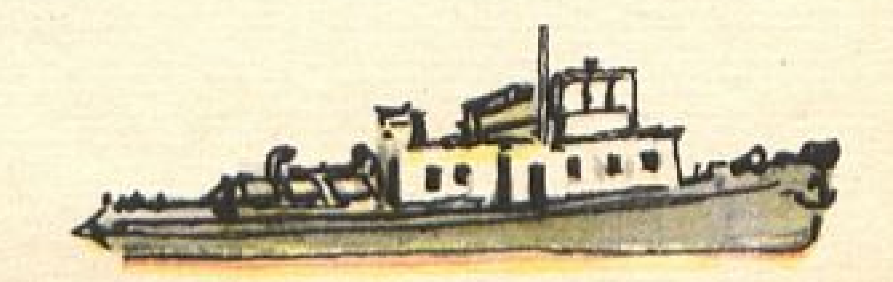
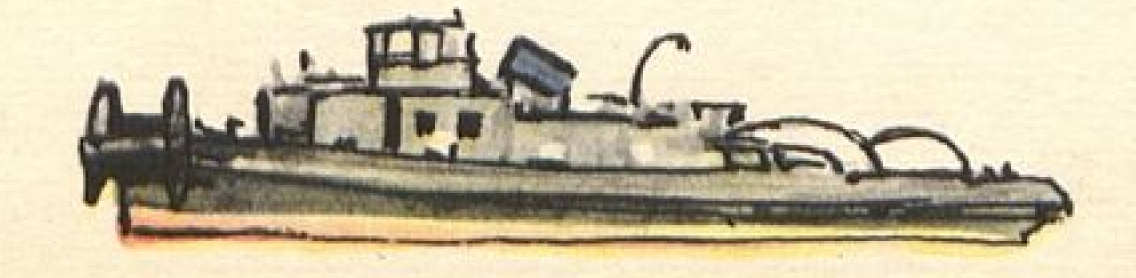
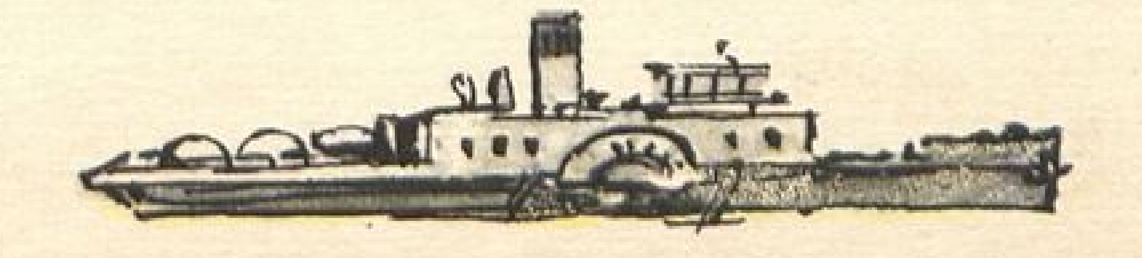

Рис. А. ЕРМОЛАЕВА

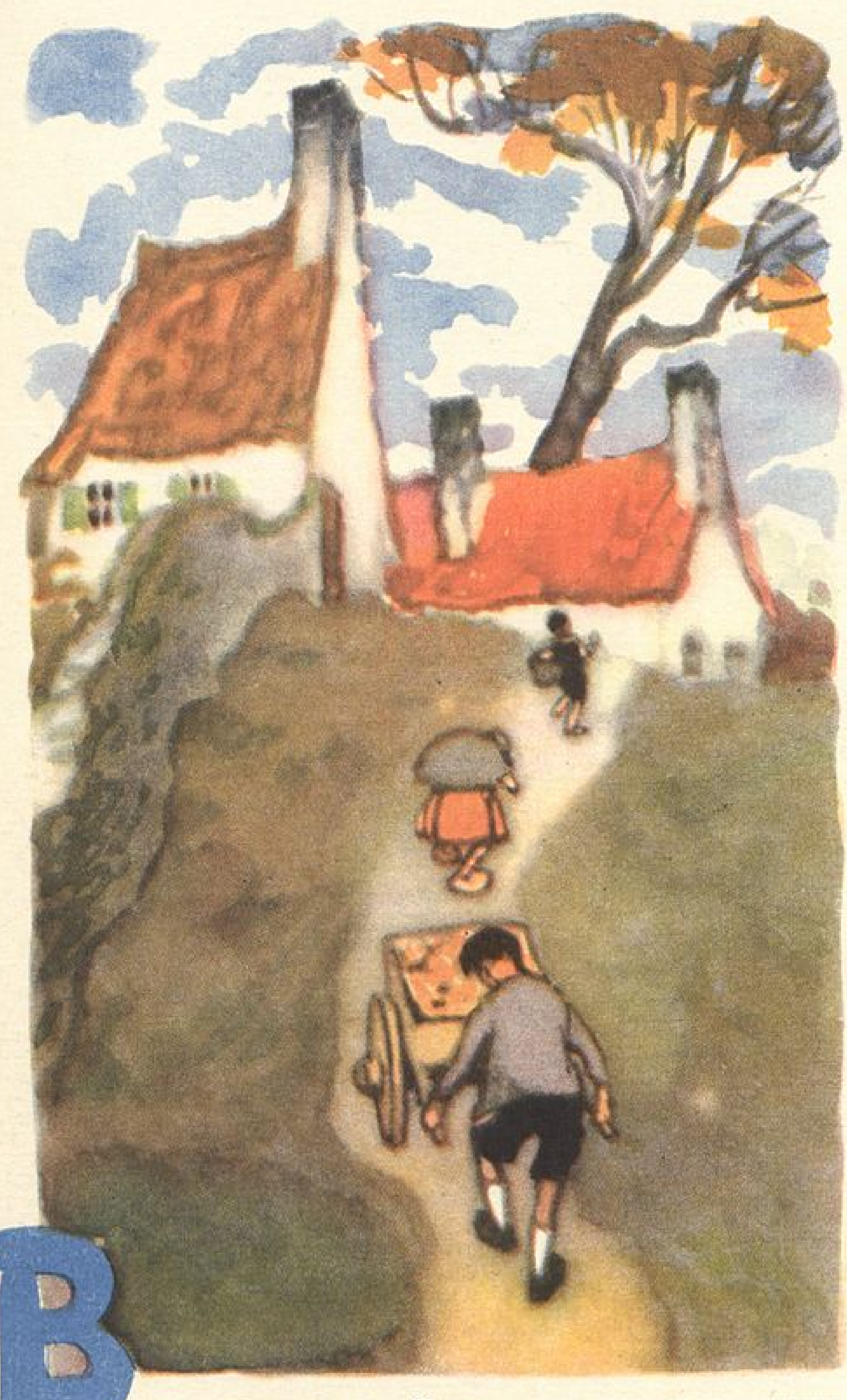
Ему не страшен никакой шторм. Нос у него высокий, корпус крепкий и ход хороший. Таких на Волге много. А вот мимо него проходит небольшой катерок. Это теплоход. Судно необыкновенное. Две лапы, так называемые крылья, спереди, две сзади, а брюхо высоко над водой. Скорость его хода до 70 километров в час. Недаром и название ему дали «Ракета». За один день он пробегает от Горького до Казани и обратно. Сделали этот теплоход сормовские инженеры и рабочие.

Много очень интересного можно ещё увидеть на Волге. Огромные шлюзы, электростанции, водосливные плотины, заводы и морские причалы с высоченными кранами. И всё это сделали наши советские люди.

СУХИЕ ЛИСТЬЯ

Вот и осень. Ветер в лесу кружит опавшие листья. Каштаны уже облетели, и вверх торчат их тёмные, голые ветви. Вот падают листья с буков и грабов. Берёзы и осины стали уже совсем золотыми, и только огромный дуб ещё сохраняет свою зелёную корону.

Утром прохладно; колючий ветер будоражит серое небо и румянит детям пальцы. Пьер, Бабетта и Жано отправляются собирать сухие листья, те листья, что ещё так недавно были совсем живые — все в брызгах росы и в пении птиц. Множество их, теперь уже мёртвых и сухих, покрывает землю. Но и увядшие они ароматны. Они будут служить подстилкой для козы Рикетты и коровы Рыжухи. Пьер повесил за спину свою корзину — он маленький мужчина. Бабетта взяла мешок — она маленькая женщина. Позади них с тачкой идёт Жано.

С горы они сбежали бегом. На опушке леса им встретились другие ребята из их села, они тоже запасают на зиму сухие листья. Для них это вовсе не игра: это работа.

Но не думайте, что дети огорчены тем, что им надо трудиться. Работа — дело серьёзное, но не скучное. Ведь дети, развлекаясь, часто собирают листья; в своих играх они подражают занятиям взрослых.

Вот они уже за работой. Мальчики делают своё дело молча. Ведь они уже крестьяне, а крестьяне зря не болтают. Крестьянки же совсем другое дело. Они не перестают трещать, пока наполняют свои мешки.

А между тем взошло солнце и стало потихоньку пригревать землю. С деревенских крыш потянулись лёгкие, как дыхание, дымки. Эти дымки о чём-то говорят ребятам. Они говорят, что в котле уже варится гороховый суп. Ещё одна охапка листьев, и маленькие труженики отправляются домой в деревню.

Трудно идти в гору. Им жарко подниматься, согнувшись под тяжестью мешков, склонившись над тачкой. На лбу у них выступает пот. Пьер, Бабетта и Жано останавливаются, чтобы перевести дух.

Но мысль о гороховом супе придаёт им силы. Карабкаясь и пыхтя, они, наконец, добираются до дому. Мать поджидает их на пороге. «Скорее, ребята, — кричит она им, — суп уже готов!»

Наши друзья найдут его очень вкусным. Ведь суп, который сам заработаешь, особенно хорош!

РЫБНАЯ ЛОВЛЯ

Рано утром Жан выходит из дому вместе со своей сестрой Жанной, с удочкой через плечо и корзинкой в руке. Школа закрыта, у ребят каникулы, — вот поэтому-то Жан вместе со своей сестрой Жанной, с удочкой через плечо и корзинкой в руке каждый день отправляется на речку. Жан родом из Турени. И Жанна родом из Турени. И речка тоже родом из Турени. Её прозрачные воды текут под серебристыми ивами. В них глядится пропитанное сыростью спокойное небо. Утром и вечером по зелёным берегам реки стелется белый туман. Но Жан и Жанна любят речку не за яркую зелень её берегов, не за прозрачность её вод, в которых отражается небо. Они любят её за рыбу, которая в ней водится. Они останавливаются возле самого рыбного места, и Жанна усаживается под ивой, у которой сломана верхушка. Поставив на землю корзины, Жан разматывает удочку. Она совсем проста: длинный прут с ниткой и согнутой булавкой на ее конце. Жан нашёл прут, Жанна дала булавку и нитку, так что удочка у брата с сестрой общая. Но каждому из них хочется владеть ею полностью. И эта немудрёная вещь, которая должна была бы причинять неприятности только рыбе, вызывала ссоры и целый град тумаков на этих мирных берегах. Жан и Жанна вели из-за удочки борьбу. Руки Жана почернели от щипков, а щёки Жанны побагровели от звонких пощёчин. Когда же брат с сестрой, наконец, устали от щипков и пощёчин, они договорились миром поделить то, что не удалось вырвать друг у друга силой. Они условились, что каждый из них, поймав рыбу, будет передавать удочку другому.

Первым начинает удить Жан. Но когда он кончит, неизвестно. Он как будто не нарушает договора, но поступает так, что договор теряет силу. Чтобы не отдавать удочку сестре, он не вытаскивает рыбу, когда она начинает клевать и тянуть поплавок в воду.

Жан хитёр. Жанна терпелива. Она ждёт уже целых шесть часов. В конце концов она устаёт от долгого безделья. Она зевает, потягивается, ложится в тень под ивой и закрывает глаза. Жан, который следит за ней краешком глаза, думает, что она заснула. Поплавок уходит под воду. Жан быстро дёргает леску, на конце её что-то серебрится. Пескарь попался на крючок.

— А теперь моя очередь! — вдруг раздаётся позади Жана. И Жанна выхватывает у него удочку.

Перевела с французского Е. ЖУКОВСКАЯ

Корней ЧУКОВСКИЙ

Загадки мои — и ваши

Как-то летом на даче я глядел из окна и увидел внизу, в саду, рыжего соседского мальчика Вову. Вова был обжора. Он всегда что-нибудь жевал или грыз: яблоко, морковку или пряник. Сейчас он сидел на небольшой табуретке и уплетал с аппетитом жирную куриную ножку. Табуретка была круглая, трёхногая. И мне пришла в голову такая загадка:

Две ноги на трёх ногах,
А четвёртая в зубах.

Моя дочь, шестилетняя Мура, глянула в окно и сказала:

— Ой, какая лёгкая загадка! Две ноги — это рыжий Вова. В зубах у него куриная ножка. А три ноги — я вижу! — табуретка.

Но тут подбегает к Вове огромный лохматый пёс и, выхватив у него куриную ножку, бросается что есть духу бежать. Вова вскакивает, плачет, кричит и запускает в него табуреткой, а мы вместе с Мурой придумываем такое окончание загадки:

Вдруг четыре прибежали
И с одною убежали.
Подскочили две ноги,
Ухватили три ноги,
Закричали на весь дом
Да тремя по четырём!
Но четыре завизжали
И с одною убежали.

Оказалось, что придумать загадку не такое уж трудное дело. С той поры я сочинил их немало: и про пароход, и про грузовик, и про солнечный луч, и про ёжика. А недавно у нас вокруг дачи клубился густой туман. И я увидел, как девочка Маша бегала в этом тумане и всё пробовала поймать его какой-то корзинкой. Тогда мне пришла в голову загадка:

Много этого добра
Возле нашего двора.
Но рукою не возьмёшь
И домой не принесёшь.
Маша по полю гуляла,
Собирала, собирала...
Поглядела в кузовок —
Там и нет ничего.

И вот вам ещё три загадки, которые я сочинил:

Паровоз
Без колёс!
Вот так чудо-паровоз!
Не с ума ли он сошёл?
Прямо по морю пошёл!

Была телега у меня,
Да только не было коня.
И вдруг она заржала,
Заржала — побежала.
Глядите, побежала телега без коня!

Ах, не трогайте меня:
Обожгу и без огня!

Когда вы отгадаете эти загадки, постарайтесь придумать новые — о чём хотите:

о звёздах, о верблюдах, о цветах, о машинах, а лучше всего о новых спутниках нашей Земли, созданных руками советских учёных. Можете начать свою загадку такими словами:

> **Была Луна**
> **Удивлена,**
> **Когда увидела она...**

Чуть придумаете эту загадку, пришлите её в «Мурзилку». Мы прочитаем её и, если она будет хороша, напечатаем.

Вот ещё несколько загадок:

В каком месяце болтливая Машенька говорит меньше всего?

Какое слово состоит из полбуквы?

Если бросить в Чёрное море красный камень, какой он будет?

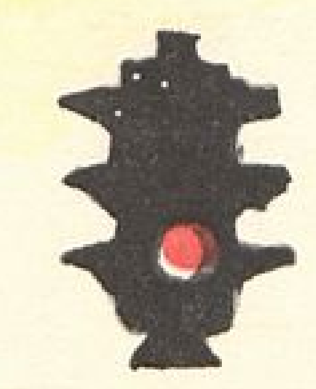
Когда можно носить воду в решете?

1. Каким гребешком не чешутся?
2. Кого раз в год наряжают?
3. Два брюшка, четыре ушка.
4. Кто родится с бородой?
5. Сам верхом, а ноги за ушами.
6. Привела я солнце за своё оконце, к потолку повесила, стало в доме весело.

Рис. Ю. ФЁДОРОВА

ПЕРВАЯ ДВОЙКА

Валдис **ЛУКС**

Рис. Ник. **ЕРМОЛАЕВА**

Кажется мне,
Что у всех на виду
Двойка,
С которой
Из школы иду!..

Если шофёр
На меня не глядит,
Всё же машина
Два раза гудит!

Если трамвай
Пролетает,
звеня,
Двойкой
громадной
Он дразнит меня!

Встречный
глазами
сказал мне:
«Постой-ка!
Что там в тетрадке?
Наверное, двойка?..»

С двойкой
из школы
Плетусь я едва...
Всюду
сегодня
Мерещится «2»!

ЗАДАЧА

Разом пальцы растопыря,
Класс не сводит с пальцев глаз.
— Знаем!
Два да два — четыре! —
Отвечает хором класс.

— Ну, а кто бы
Мог сказать,
Сколько будет
Шесть и пять?

Долго школьники считают,
Шепчут, пальцы загибают, —
Невозможно сосчитать,
Сколько будет шесть и пять!

Терпеливо ждёт учитель
И бородку теребит.
— Вы, учитель, нас простите! —
Гунта смело говорит. —
Вы и девочек спросите
И любого мальчика, —
Чтобы это сосчитать,
Не хватает пальчика!

Перевёл с латышского Вл. **ЛИФШИЦ**

ЁЛКА В ШКОЛЕ

Л. ВОРОНКОВА

Рис. А. ЕРМОЛАЕВА

Это было давно, когда ещё не было у нас советской власти и страной правили царь и богачи. В те времена плохо жилось простым бедным людям. Работали они много, а радости видели мало.

Мои родители были небогаты, поэтому в детстве мне пришлось перенести много обид и горестей.

Рассказ «Ёлка в школе» — глава из книги о моём детстве.

Соня очень усердно готовилась к этому дню. На Новый год им велели прийти в школу на ёлку. А кроме того, в этот вечер устраивался спектакль, и Соня участвовала в этом спектакле. Она должна была выйти на сцену и рассказать о том, что наступила зима, что снег покрыл леса и поля, что деревья в лесу от мороза потрескивают, а люди топят печки, и скотина стоит в тёплом хлеву, жуёт душистое сено.

Когда Соня, тихонько открыв дверь, вошла в школу, там уже шумел народ.

— Что же так долго? — крикнула ей Саша Смирнова. — Пойдём скорее. А твоя мама где? Не пришла разве?

— Она потом придёт... — немного замявшись, ответила Соня.

Ей не хотелось говорить, что маме некогда было прийти сейчас, потому что она пошла в коровник доить коров. Девочки услышат и опять начнут повторять, что у Сони мама коровница, а Лида Брызгалова скажет, что от неё коровами пахнет.

Столовая была самым обширным помещением в школе. В столовой и устроили новогодний вечер. В дальнем её конце сколотили подмостки, повесили занавес. А посредине поставили ёлку.

Вот это ёлка была!.. Огромная, густая, она верхушкой своей упиралась в самый потолок. Правда, столовая помещалась в полуподвале, и потолок здесь был не очень высокий, но Соня более красивой и богатой ёлки в своей жизни ещё не видела. Они взялись с Сашей за руки, подошли поближе и принялись рассматривать игрушки и разные украшения, блестевшие на ёлке.

— Смотри, вон Брызгалова с матерью пришла... — прошептала Саша.

В толпе проходила высокая завитая дама в шёлковом платье. Платье её шуршало, в ушах горели серьги. Держась за руку, рядом с ней шла Лида Брызгалова. У неё в косах топорщились огромные белые банты. Лида снисходительно посматривала на девочек, словно желая сказать: «Я хоть и учусь с вами в одной школе, но не воображайте, что вы мне ровня. Вы простые, а мы богатые».

Пришли матери и других девочек. И словно их кто развёл по кучкам. Те, кто победнее, поскромнее, теснились к сторонке. Кто побогаче, получше одет, проходи-

ли вперёд. Их встречали учительницы, усаживали на скамейки поближе к сцене. И дочери богатых матерей уже свысока посматривали на остальных девочек; они сидели все вместе и разговаривали только друг с другом.

Соня с волнением поглядывала на дверь. Когда же придёт её мама? И что скажут о ней девочки, когда она придёт? У Сони уже заранее болело сердце, что её мама так же, как мать Матрёши Сорокиной, войдёт и станет в уголке и никто не пригласит её пройти и сесть. Матрёшина мать кухарка — вот она и стоит там, и словно никто не видит, что она тоже пришла на праздник.

Ну, вот, наконец, и мама!

Соня издали глядела на неё, ещё не зная, как ей быть: побежать ли навстречу, или подождать, пока она сядет, и потом подойти. И неужели она так и будет стоять там и никто из учителей не заметит её?!

Мама пришла в чёрном кашемировом — в самом лучшем своём — платье, гладко причёсанная. Вошла, скромно поклонилась Матрёшиной матери и остановилась около неё, отыскивая глазами Соню.

«Ну вот, ну вот! — мучительно думала Соня. — Вот и она теперь там стоит! Так вот и будет там стоять весь вечер!»

Тут подленькая мысль промелькнула у неё: «А что, если взять да и притаиться и не подойти к ней?» Вот никто и не узнает, что это её мама стоит там у порога.

Но тут же сердце её вспыхнуло от жалости к маме и от негодования на себя. Даже слёзы подступили у неё к глазам. Как могла она так подумать?! И Соня, молча расталкивая подруг, ринулась к своей бедной, незнатной маме.

А в это время, к Сониной радости и изумлению, к маме подошла Елена Петровна, милая, красавица, ясноглазая их учительница Елена Петровна.

— Здравствуйте, здравствуйте! — приветливо сказала она всем, стоявшим здесь в уголке. — С Новым годом, с новым счастьем! Но что же вы стоите здесь? Проходите вперёд, занимайте места.

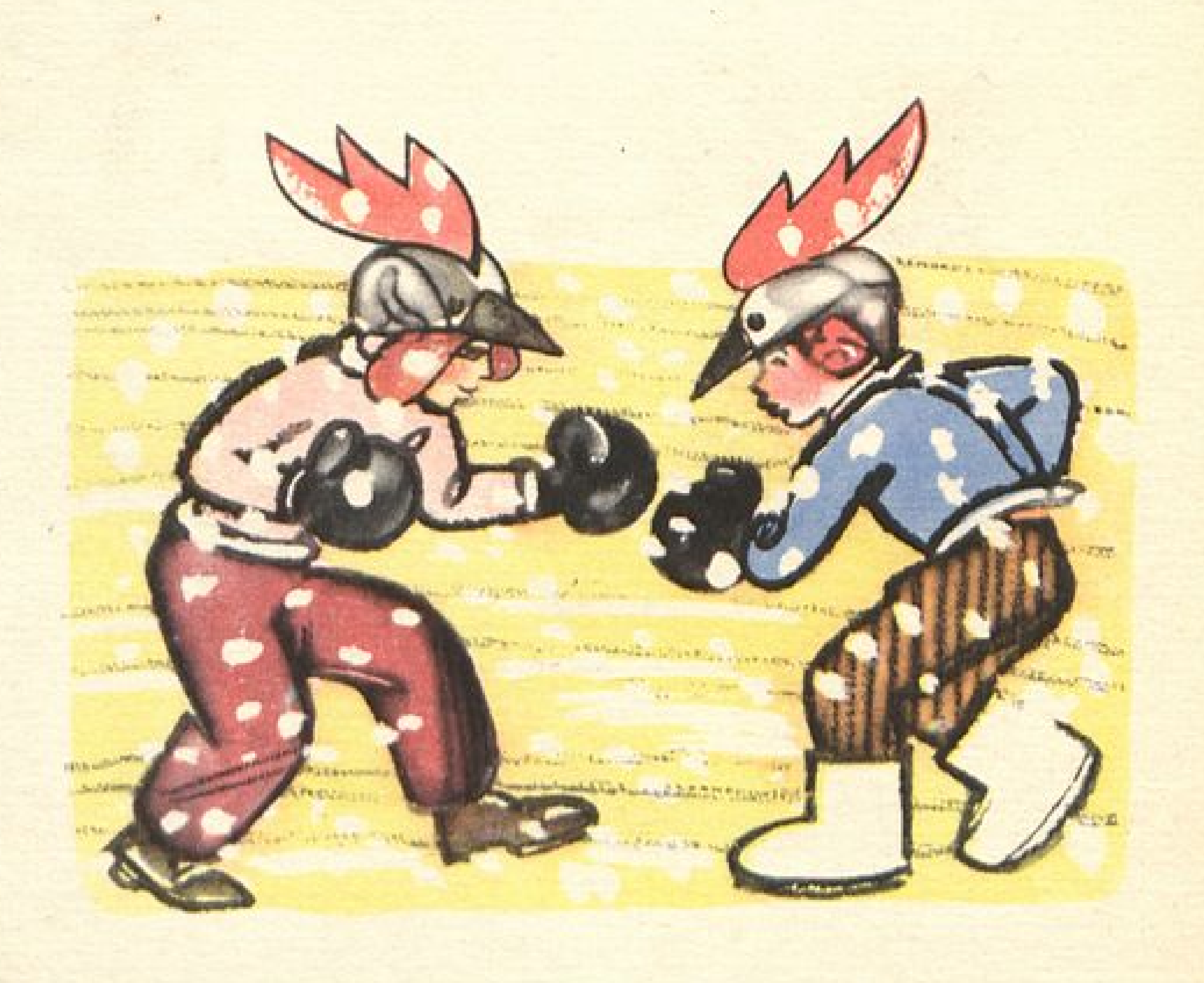

Женщины поблагодарили её и стали рассаживаться на скамейках. А Сонину маму Елена Петровна попросила пройти с ней за кулисы, посоветоваться.

— И ты пойдёшь с нами, — сказала Елена Петровна, взяла Соню за руку и повела с собой.

За кулисами уже толпились девочки, которые участвовали в спектакле. Варя

Все петухи до этих пор
На бой не шли без острых шпор.
А наши петухи-боксёры
Перчатки носят, а не шпоры.

Горшкова из четвёртого класса стояла наряженная матушкой Зимой, в чём-то белом, длинном, в серебряной короне и вся в блёстках.

Девочки Снежинки кружились в белых кисейных юбочках. Деду Морозу привязывали бороду. Тут же стояла в своём чёрном платье, с цепочкой на груди директор школы Евдокия Алексеевна. Сонина мама поклонилась ей. Евдокия Алексеевна ответила вежливо, но без улыбки.

— Голубушка, — сказала она, — сейчас ваша дочь должна выйти на сцену и прочитать свою роль. Девочке надо выйти на сцену в шубке и вообще тепло одетой. Надо представить, что кругом трещит мороз, потому она так и закутана.

— Так что же? — улыбнулась мама. — Она оденется.

— Да, видите, голубушка... — Евдокия Алексеевна поморщилась. — Уж очень у неё плохое пальтецо. Такое жиденькое, воротник потёртый... И капор самодельный, уж очень безобразный... Неудобно. Понимаете?..

И, обратясь к Елене Петровне, спросила:

— Нельзя ли эту девочку заменить какой-нибудь другой, более подходящей?

Мама уже взяла Соню за руку и хотела увести её из-за кулис. Но Елена Петровна остановила её:

— Нет, нет! Мы найдём Соне пальтецо! — И улыбнулась маме своей милой улыбкой. — Не беспокойтесь, всё уладится. Ступайте, займите место поближе к сцене. Выступать должны хорошие ученицы, а не те, кто только одет хорошо.

Мама прошептала: «Спасибо!..» — и вышла.

Через несколько минут Елена Петровна принесла Соне чьё-то пальтецо из коричневого мятого плюша с пушистым воротником. На голову ей надели такой же пушистый капор с лентами. Соня поглядела в зеркало и покраснела от удовольствия: вот-то сейчас девочки посмотрят, какая она нарядная!

Елена Петровна махнула рукой: открывайте! Занавес зашелестел и расступился. На сцене всё белело от ваты и сверкало от ёлочной канители. Сверху посыпался снег: это девочки бросали горстями мелко нарезанную белую бумагу.

— Выходи, — шепнула Елена Петровна и подтолкнула Соню.

Соня вышла. Ничего не видя перед собой, она сразу начала читать:

— «Наступила зима... Белым снегом укрылись поля. Ходит Мороз по лесу, потрескивают деревья от стужи...»

Она не забыла даже поёжиться от холода, как велела Елена Петровна. Соня прочла хорошо. Казалось, что она даже нисколько и не стесняется. А она читала и даже голоса своего не слышала. Ну, вот и всё. Вот и последние слова. Нигде не запнулась, нигде не ошиблась!

И тут словно рассеялся туман, и она увидела сидящих перед сценой людей, даже увидела свою маму. Ей улыбались, хлопали.

И вдруг среди этого весёлого шума чётко прозвучал Лидин голос:

— А пальто Верино надела! Это Верино пальто, Березянской!

Соня ушла со сцены, как полагалось. Мимо неё по лесенке побежали на сцену Снежинки в белых газовых платьицах. А Соня встала за кулисы, сняла пальто и заплакала. Ну зачем Лида сказала это вслух, при всех?! И почему у Сони нет своего такого же хорошего пальто, как у Веры или как у Лиды? Уж не могут ей купить хорошее пальто!

Елена Петровна уговаривала Соню.

— На сцену все наряжаются, надевают костюмы, подходящие к роли, — объяснила она. — У тебя твоё пальто тоже не плохое, но к роли оно не подходит. Вот и всё. А Лида поступила нехорошо, глупо, и мы ей об этом завтра скажем. Не плачь и не огорчай свою маму.

Соня вытерла слёзы и пошла в зал. Она чувствовала себя очень виноватой перед мамой. Давеча она подумала отказаться от неё. А сейчас рассердилась, что мама не может ей купить хорошее пальто. Но голос Лиды так и звенел в её ушах: «Это не её пальто! Это Верино!..»

На сердце было так горько и обидно, что и праздник больше не радовал.

Когда девочки стали расходиться с вечера, учительницы роздали им подарки — по кулёчку конфет.

— Хороший вечер получился, — говорила мама дорогой, когда они шли домой. — Как всё это интересно устроили!

А Соню уже снова мучила совесть. Мама и не знает, как она, Соня, сегодня её обидела... И Соня, еле выговаривая слова, всё рассказала маме.

— Ну, это ты зря, — ответила мама, и по её голосу Соня поняла, что мама очень огорчилась. — Тебе твоих отца с матерью стыдиться нечего. Твои отец с матерью зарабатывают хлеб своим горбом, не воруют, никого не обманывают. А это и есть самое главное. Богатые, правда, думают, что главное — это их богатство. Но это неправда. Перестанет мужик хлеб сеять — вот им и есть нечего. Перестанут рабочие дома строить — вот им и жить негде. Вот и выходит, что главное-то — наши рабочие руки. А если тебя глупые люди будут бедностью попрекать, ты бедности не стыдись. Стыдись глупости да подлости.

Я вас всю жизнь возила, сани,
Теперь меня везите сами!

Зачем сидеть нам в конуре?
Мы веселимся на горе.

Зимы не видел царь зверей.
Ни разу не играл в хоккей.
И потому на льду у льва
Слегка кружится голова.

Карась попался в лисьи лапы —
Наверно, был карась растяпой.
Опять крючок ушёл под лёд,
Но рыба больше не клюёт.

На обложке рисунок Ф. ЛЕМКУЛЯ

Макет В. Константинова *Рукописи не возвращаются* *Технический редактор Г. Морозова*

Год издания тридцать четвертый **Цена 1 руб.** Изд-во ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия»

Подп. к печати 2/XII 1957 г. Бумага $60 \times 92^1/_8$ = 1,5 бум. л.=3 печ. л. Уч.-изд. л. 2,8. Тираж 1 000 000 экз. Заказ 2351

Адрес редакции и типографии «Красное знамя» изд-ва «Молодая гвардия»: Москва, А-55, Сущёвская, 21.

Рис. В. ТАУБЕРА